1983,

21 февр

Утверждение гражданственности

Тем, кто не видел спектаклей Московского ансамбля пластической драмы, очень трудно в двух словах объяснить, что это такое. Пантомима? Нет. Современный балет? Драма? Или, может быть, эстрадный танец с крепкой драматургической основой? Ни то, ни другое. Хотя... и то, и другое, и третье. Это — зрелище, где не произносится ни одного слова, но тем не менее, замешанное на высокой правде чувств, оно доступно восприятию каждого.

Ритмическим, пластическим и звуковым построением режиссер Г. Мацквичюс помогает нам увидеть скачущих по необъятным просторам гордых и счастливых людей, ощутить и это само неохватное раздолье, и ликующую музыку бешеной скачки, и поющую душу свободного человека, слитого с радостью бытия. И по этому началу спектакля «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» ясно, что спектакль, созданный по мотивам одноименной драматической кантаты Пабло Неруды, точно проник в эмоциональную ткань первоисточника. За событиями пьесы выявляется адекватное авторскому отношению режиссера к миру и человеку — утверждение созидательного, творческого жизненного начала. При этом к своему высокому пониманию гражданственности режиссер прибавляет нас без громких деклараций — лишь заостренностью контрастов, сплавом героического с сугубо бытовым, психологически узнаваемым. Не плакатность, но доступность героики каждому, некое возвышающее очищение несут заключительные аккорды спектакля. Погиб Хоакин, но нельзя истребить человека, посеявшего зерна добра и бесстрашия в душах людей.

Если вы посмотрите еще несколько спектаклей Мацквичюса — «Преодоление», «Красный конь», «Вьюга», «Времена года» и другие (их всего восемь в репертуаре коллектива), — можете спорить по поводу точности воплощения актерами режиссерской задумки (хотя спектакли, трудные по

техническому исполнению, каждый раз разные), но не сможете не согласиться, что перед вами яркая режиссерская индивидуальность, создавшая совершенно особый тип театра, стремящегося в выборе средств к ассоциативному воздействию на эмоциональный строй сидящих в зале. Гедрюс Мацквичюс всякий раз точно знает, зачем ставит спектакль и что хочет сказать зрителю. У режиссера четкая идейно-художественная позиция, как нельзя более созвучная живым проблемам современности.

Тема творческого созидания красной нитью проходит через все спектакли Мацквичюса. Без малейшего компромисса, силой богатого духовного, человеческого опыта режиссер утверждает свою тему в искусстве. О чем бы ни было спектакль — о жизни и творчестве Микеланджело, революционных героях Александра Блока, о возвышенной чистоте мировосприятия андерсеновских персонажей, о трудной дороге познания Художника в «Красном коне», — в каждом прослеживается путь становления Человека. Не легкий и не упрощенный, не «лобовой», а мучительный и сложный процесс борьбы человека за человеческое в себе. Как в жизни... И потому собирательный образ героя Мацквичюса столь эмоционально убедителен, что в ткани каждого спектакля он узнаваем.

За десять лет своего существования коллектив Московского ансамбля пластической драмы добился многого, особенно если учесть, что в марте 1973 года начали с нуля — с самостоятельной студии пантомимы. Однако в основе этого «нуля» лежал немаловажный фактор — энтузиазм, горячая влюбленность актеров в искусство и мечта режиссера создать драматический театр, в котором общение со зрителем ведется средствами пластики. Возможно, в жизни артистов ансамбля в скором времени наступит новый творческий момент. Они из тех, кто не терпит застоя.

Л. АСТРОВА